

А.В. Назаренко

**БЫЛ ЛИ КРЕЩЕН КИЕВСКИЙ КНЯЗЬ
ЯРОПОЛК СВЯТОСЛАВИЧ,
ИЛИ КОЕ-ЧТО ОБ “ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ”**

В “Византийском временнике” (2004. Т. 63) была опубликована статья киевского историка и археолога П.П. Толочко¹ с полемикой по поводу одной из гипотез, высказанных в нашей книге о международных связях Древней Руси². Рецензент избрал предметом своей довольно резкой критики отдельную, весьма узкую, хотя и не раз пристрастно обсуждавшуюся в историографии тему – предполагаемое крещение латинскими (у нас – немецкими) миссионерами киевского князя Ярополка Святославича (970/972–978). Среди ссылок на литературу вопроса и возражений нашего почтенного оппонента почти нет таких, которые так или иначе не обсуждались бы нами в книге, где уже сформулировано и по мере сил обосновано наше к ним отношение. Это, как и частный характер вопроса, не располагает к подробному ответу на критику, который во многом свелся бы к тавтологическому повторению сказанного. Всякий заинтересованный читатель, полагаем, способен самостоятельно сопоставить два текста и оценить изложенные в них соображения и доводы. Поэтому следующее ниже – не возражения рецензенту (вернее, не просто возражения), а несколько более или менее общих, если угодно, метод(олог)ических, а значит, в известном смысле необязательных размышлений о работе историка. Размышлений, навеянных чтением заметки П.П. Толочко.

Признаться, нас немало смутил уже ее подзаголовок, в котором “историческая реальность” программно противопоставлена “ученой фикции”. Смущал тем более, что с подобными, обычно брошенными походя, формулами приходится сталкиваться нередко. Во всяком случае, для П.П. Толочко она не уникальна и потому вряд ли не случайна³. Нам хочется ошибиться, но прямой и ясный смысл она имеет только в одном случае: когда под “ученой фикцией” имеется в виду сознательная фальсификация или по крайней мере недобросовестная, неудовлетворительная с профессиональной точки зрения работа. Думаем, не будет слишком самонадеянным полагать, что наш уважаемый рецензент не желал упрекнуть нас ни в том, ни в другом. Тогда как же его понять? Исходя из того, что П.П. Толочко настойчиво акцентирует

¹ Толочко П.П. Крещение Ярополка Святославича: историческая реальность или ученая фикция? // ВВ. 2004. Т. 63. С. 59–66.

² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

³ Ср., например, названия других работ: *Tolochko P. Volodimer Svjatoslavič's Choice of Religion: Fact or Fiction?* // *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge (Mass.), 1990. Vol. 12/13 (1988/1989) (*Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine*). P. 816–829; *Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная?* СПб., 2005.

гипотетичность наших построений (“Все это авторские предположения: так могло бы быть”, и пр.), именно ее он и подразумевает под “ученой фикцией”. Если так, то вполне принимаем в свой адрес это определение. Остается самая малость – уразуметь, что в таком случае скрывается за термином “историческая реальность”.

На этих страницах не место вдаваться в собственно философские аспекты исторического знания и обсуждать гносеологическую категорию “факта” в истории. Но вопрос-то важный. Ведь рецензент на разные лады варьировует, в сущности, одно главное возражение: “Разумеется (? – А.Н.), ничего подобного древние источники не сообщают”, а построения автора “больше основываются не на источниках, а на их интерпретации”. Возникает устойчивое впечатление, что, по убеждению П.П. Толочко, историк имеет право работать только с прямыми свидетельствами источников, избегая подвергать их какой-либо интерпретации. Допускаем, что такой дескриптивный подход тоже возможен, но насколько он плодотворен? Что он может дать, кроме пересказа источника своими словами? Неужели нужно напоминать, что механизм движения науки – это противоборство именно интерпретаций? Что для того, чтобы оспорить такую интерпретацию, совершенно недостаточно указать на ее гипотетическую природу, а нужно оспорить аргументы, на которых она покоится, или привести соображения, которых она не учитывает?

Сама по себе реконструктивность исторического построения – не порок, а неизбежное его свойство. Именно с такими реконструкциями и работает наука. Есть целые области гуманитарного знания (чтобы не говорить о науке в целом), которые оперируют преимущественно реконструкциями. Таково, например, сравнительно-историческое языкознание. Ведь, скажем, общеслав. *borda “борода”, *korva “корова”, *golva “голова” и т.д. ни одним текстом не засвидетельствованы и суть не более чем результат реконструкции путем сопоставления реально существующих в разных славянских языках позднейших форм, и только в этом смысле закон метатезы плавных (частными случаями которого служат все три приведенных примера) является законом, т.е. неким обязательным для ученого умозаключением (интерпретацией). О более архаических, нежели общеславянское, праязыковых состояниях и говорить нечего. Если быть методологически строгим, то придется признать, что лингвисты вообще не уверены, что та или иная реконструируемая ими праформа в таком виде когда-либо и где-либо реально звучала; она имеет смысл только в качестве герменевтического инструмента, с помощью которого поддаются удобному истолкованию фактически зафиксированные явления языка. Текстология, и в частности столь важная для исторического исследования текстология летописная, также работает исключительно с реконструкциями, ибо тексты, очищенные в историко-критической реторте источникововеда, в таком виде, как правило, нигде не засвидетельствованы и, следовательно, сугубо гипотетичны. Эту гипотетичность, как известно, не уставал подчеркивать применительно к своим построениям А.А. Шахматов, которому многие из современников, да и из последующих поколений историков (чаще всего нетекстологов) действительно были склонны вменять в вину излишнюю, с их точки зрения, сложность его гипотез и склонность постоянно корректировать их – в чем усматривался, очевидно, признак их шаткости. Это не помешало ряду текстоло-

гических реконструкций А.А. Шахматова (например, гипотезе о так называемом Начальном своде 1090-х годов) со временем закрепиться в науке и прочно войти в арсенал не только собственно летописевода, но и историка в самом широком смысле слова.

Если вернуться собственно к истории, то и здесь примеров такого рода более чем достаточно. Так, нет ни одного источника, в котором бы прямо сообщалось об учреждении в Киеве митрополии в результате крещения Владимира Святого. И если современная наука все же пришла к убеждению (быть может, временному), что дело обстояло именно так, то только на основе более или менее убедительных умозаключений (интерпретаций) в результате полемики с другими гипотезами – в частности с гипотезой о появлении митрополии в Киеве только при Ярославе Мудром ок. 1037/9 г., которая (гипотеза), к слову сказать, покоится как раз на прямом сообщении Повести временных лет⁴ (другое дело, что его можно по-разному интерпретировать) и которая имела в числе своих сторонников многих авторитетов – того же А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова и др.

Таким образом, историческое исследование и есть, собственно говоря, конструирование гипотез, интерпретация *par excellence*, и доказательность этой процедуры – считаем методологически важным сделать на этом упор – состоит не в последнюю очередь в ее способности обнять максимальную совокупность показаний источников, равно как и объяснить те показания, которые не были использованы при построении самой гипотезы. В этом отношении наша гипотеза о направленном против Чехии и Польши союзе киевского князя Ярополка Святославича с германским императором Оттоном II (973–983), покоящаяся главным образом на новом прочтении Генеалогии Вельфов (письменно зафиксированной в 1160-е годы), представляется нам достаточно эффективной, ибо она объединяет единой интерпретацией многие события X в., которые до сих пор не поддавались убедительному объяснению, например, поход Владимира Святославича “к ляхом”, помещенный в летописи под 981 г. Напоминаем, что именно эта гипотеза и является для нас центральным положением, тогда как вопрос о крещении Ярополка, на чем сосредоточился наш оппонент, – всего лишь возможное ее приложение к довольно популярному в науке спорному сюжету. Конечно, можно сведения Генеалогии Вельфов о браке дочери “славнейшего графа Куно”, т.е. швабского герцога Конрада I (983–997), с “русским королем” объявить неудачной позднейшей интерполяцией (как предпочитал думать в свое время К. Шмид). Можно присутствие русских послов на имперском съезде в Кведлинбурге в 973 г. считать просто жестом политической вежливости нового киевского князя или даже признать сообщение об этом у Ламперта Херсфельдского вымыслом (как считает, например, М.Б. Свердлов). Можно так или иначе дезавуировать данные списка сыновей Владимира Святославича о “чехине” как первой жене Владимира. Можно, буквально следуя за летописью, верить, что причиной кровавой схватки между Святославичами стала случившаяся на охоте неприятность с Лютом Свенельдичем. Можно предположить, что далекий поход к западной границе Руси на следующий же год после вокняжения в Киеве Владимир предпринял потому, что его европейская разведка доложила о войне польского князя Мешка I с Оттоном II и го-

⁴ “Заложы Ярослав... црькы святыя Софья митрополью” (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151; Т. 2. Стб. 139).

рячий юный князь решил, воспользовавшись удобным случаем, немедленно отнять у Польши Червенские города. Можно развести руками перед лицом известия Кекавмена об “анепсии императора Франгии” (т.е. Оттона II) Петре, который зачем-то поступил на византийскую службу в начале правления Василия II. Можно, наконец, не слишком вникая в источниковедческие детали, не обращать внимания на компилятивные рассказы о крещении Руси Бруно Кверфуртским, сочтя их тривиальным тенденциозным баснословием (как, солидаризовавшись с Е.Е. Голубинским, и делает П.П. Толочко). Можно все разъять на части и каждой из них подыскать более или менее вероятное истолкование или даже не делать и того. Но здравый смысл, который еще Вильяма Оккама заставил призвать философов не создавать лишних сущностей (“бритва Оккама”), заставляет, думаем, и нас, историков, стремиться сводить число необходимых гипотез к минимуму и предпочитать те из них, в ложе которых укладывается максимум подлежащих интерпретации свидетельств. Еще и поэтому гипотеза о русско-немецком союзе при Ярополке Святославиче представляет, на наш взгляд, интерес.

Разумеется, кроме подобного рода методологических оснований, она опирается также и на вполне конкретные исторические аргументы. П.П. Толочко упрекает нас в том, что мы не объяснили, “каким образом новая идентификация Куно (как швабского герцога Конрада; заметим к слову, что никакой “старой” идентификации этого загадочного персонажа до А. Вольфа вообще не было. – А.Н.) помогает датировке “русского брака” его дочери”, т.е. датировке именно временем Ярополка. Это не так, поскольку объяснение было нами дано, хотя и в предыдущих работах, на которые, естественно, есть отсылка⁵. Тезис о браке Ярополка и дочери Куно-Конрада – ключевой для всего нашего построения. Ведь если он справедлив, то по меньшей мере о планах крещения Ярополка в этой связи позволительно говорить с определенной уверенностью, ибо замужество внучки императора Оттона Великого (936–973) (а именно таковой дочь Куно представлена в Генеалогии Вельфов) за язычника было бы немыслимо. И тут не помогут никакие ссылки нашего оппонента на то, что немецкое посольство к Ярополку с целью его крещения “не засвидетельствовано в письменных источниках”: крещение нельзя было осуществить заочно. Следовательно, критика П.П. Толочко должна была бы сосредоточиться на наших доводах в пользу датировки брака дочери Куно и “русского короля” 970-ми годами. Однако рецензент этого вовсе не делает, а ограничивается заимствованным из нашей же книги замечанием, что А. Вольф (который, собственно, и показал тождество непонятого “графа Куно” с вполне историческим швабским герцогом Конрадом) продолжает держаться догадки Н.А. Баумгартена, будто речь должна идти не о Ярополке, а о Владимире и его втором христианском браке после смерти Анны в 1111/12 г. Мы постарались подробно разъяснить, почему не можем согласиться с мнением А. Вольфа⁶, но наш уважаемый рецензент этих разъяснений не разбирает и вообще никак не учитывает; для него достаточно констатировать: “судя по тому, что... А. Вольф остался

⁵ Назаренко А.В. Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. Т. VII. 1. München, 1987. С. 38–89; *Он же*. Русь и Германия в IX–X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. Материалы и исследования, 1991 год. М., 1994. С. 99–131.

⁶ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 362–363. Примеч. 8.

верен прежнему предположению ... твердых оснований для датировки этого брака 70-ми годами X в. ... нет”. Можно ли это назвать научной критикой? Не уверен. Ведь если бы для опровержения конкретных аргументов было бы довольно ссылок на существование других позиций, то науку следовало бы вообще закрыть, а открыть клубы по интересам, где каждый мог бы гордиться тем, что имеет “собственное мнение”.

Для того чтобы правильно оценить позицию А. Вольфа, надо учесть еще и то специфическое обстоятельство, что “русский” сюжет в полемике между немецкими медиевистами, для которых Древняя Русь находится далеко за пределами их научных интересов, не мог стать предметом полноценного обсуждения. Если К. Шмид (вернувший науку к обсуждению генеалогических проблем вокруг графа Куно) и Э. Главичка (выступивший поначалу с критикой гипотезы А. Вольфа, а потом согласившийся с ней), не вникая в дело, поспешили попросту объявить “русского короля” недоразумением, то А. Вольф пошел дальше и заглянул в генеалогический компендиум Н.А. Бамгартена, где свидетельство Генеалогии Вельфов было увязано со вторым браком Владимира Святославича. Характерен несколько комический диалог, произошедший между Э. Главичкой и автором этих строк в коридорах мюнхенского института Monumenta Germaniae Historica еще в 1990 г.; в ответ на наше сообщение, что фрагмент о русском браке дочери Куно-Конрада все же поддается разумной интерпретации, немецкий медиевист, замахав руками, заверил нас, что ему это совершенно безразлично и что он не может и не желает углубляться в эти маргинальные, с его точки зрения, и мало понятные ему обстоятельства. Плюрализм мнений налицо, с научностью сложнее. Если же вернуться к точке зрения А. Вольфа, то хуже всего то, что она имеет мотив: согласно франкфуртскому историку, дочерью от этого второго, немецкого, брака Владимира могла быть как раз та русская жена маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда, сын от которой, Оттон, выступил в середине XI в. претендентом на германский престол; в таком случае происхождение бабки Оттона от Людольфингов и служило бы объяснением этих претензий. Однако корень родства Бернхарда и его сына с Саксонской королевской династией нет нужды искать так далеко, поскольку об Оде, родной сестре отца Бернхарда, известно, что она “происходила из королевского рода”⁷.

В свете сказанного понятно, почему мы не склонны придавать большого значения критике, коль скоро она направлена только против возможных выводов из нашей гипотезы. Нам представляется вовсе не принципиальным, был ли действительно крещен Ярополк Святославич, или дело ограничилось планами крещения, которые не осуществились из-за скорой гибели киевского князя. Мы попытались представить доводы в пользу первого мнения, но никоим образом не собираемся настаивать на нем. П.П. Толочко совершенно напрасно уверяет читателя, будто крещение Ярополка в наших глазах – “доказанный факт”. И наши постоянные оговорки, именуемые рецензентом “неуверенностью”, которую он к тому же склонен почему-то ставить в вину автору (как будто “уверенность” – неперемнная спутница научности), делаются не “на всякий случай” (словно автор мог бы тем самым избавить себя от возможной ответственности), а именно с целью обозначить открытость вопроса.

---

⁷ Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt / Hrsg. G. Schmidt. Bd. 1. Leipzig, 1873. N 151.

При всем том – “на всякий случай” – хотим подчеркнуть, что признание вопроса открытым не означает лицензии на произвольность мнений и не избавляет от необходимости конкретно оспаривать конкретные доводы. Поэтому нам не совсем понятна явная упрощенность контраргументации нашего оппонента, пусть и направленной мимо главного.

Отнюдь не считая наличие точной даты вокняжения Владимира в Киеве у Иакова Мниха – 11 июня 978 г. – “бесспорным доказательством” факта крещения Ярополка (как снова почему-то уверен П.П. Толочко), мы все же не можем не задаться вопросом о ее происхождении. Ведь все полные датировки событий X в. (т.е. в пору отсутствия летописания), имеющиеся в древнерусских письменных источниках, должны быть как-то объяснены, и их характер (сообщения о кончине) ведет к предположению о церковном памятнике как источнике сведений такого рода. Но именно этого принципиального момента рецензент склонен не замечать. Если 11 июня 978 г. – дата не смерти Ярополка, а вокняжения Владимира, которое, по мнению П.П. Толочко, по времени могло не совпадать с гибелью его старшего брата (хотя именно у Иакова Мниха находим выражение, вроде бы, говорящее об ином: “крести же ся князь Володимир в десятое лето по убиении брата своего Ярополка”), то откуда в памятнике, возникшем не ранее конца XI в., взялась полная дата этого вокняжения? П.П. Толочко следовало бы либо объяснить это, либо поставить датировку под сомнение. Однако рецензент не делает ни того, ни другого. В результате м н е н и е заявлено, но к о н т р а р г у м е н т а нет.

Совершенно так же обстоит дело и с возражениями рецензента против нашего прочтения загадочного места из проложного жития св. Владимира: “И оттоле наречеса место святое, идеже ныне църкы есть Петрова, и тъ бысть первыи ходатаи нашему спасению”. Предпочитая другое чтение – “църкы святою мученику Турова”, – П.П. Толочко просто ссылается на А.А. Шахматова и тот факт, что “Киевская летопись... не знает церкви с таким названием (св. Петра. – А.Н.) применительно к предполагаемому месту крещения киевлян”. Киевская летопись не знает многого, и ссылка на ее молчание – вовсе не довод. В начале 1120-х годов Владимир Мономах строит в Киеве каменную церковь св. Иоанна Крестителя “на Сетомли, у Купшина (Кукшина?) монастыря” для реликвии (перста св. Иоанна), доставленной в столицу Руси из Константинополя. Об этом событии мы знаем благодаря проложному сказанию⁸, тогда как Киевская летопись о нем умалчивает, хотя оно сопровождало заключение русско-византийского мира. В результате историки не знают, где же располагался Купшин монастырь, да и археологи им ничем помочь не могут. Поэтому-то и указание П.П. Толочко на то, что раскрытая раскопками церковь на Подоле (ул. Волошская, № 20), в которой мы рискнули предположить ту самую церковь св. Петра из проложного жития св. Владимира, уже идентифицирована археологами “вовсе не с мифической церковью св. Петра, а с вполне реальной летописной церковью св. Михаила, или Новгородской божницей”⁹, никак невозможно принять в качестве аргумента, который, по задорному выражению нашего оппонента,

⁸ *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. Отделения русского языка и литературы АН. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 56–57.

⁹ С извинениями должны признать, что это обстоятельство оказалось упущено нами в книге.

делает “рассуждения А.В. Назаренко... лишенными смысла”. И дело тут отнюдь не в том, верно или неверно заключение археологов, а в том, что читателю снова как нечто самоочевидное предлагается мысль о “реальности” прямо написанного в летописи и “мифичности” того, к чему историк пробивается с помощью анализа. В возражениях П.П. Толочко нет, на наш взгляд, главного: опровержения наших текстологических аргументов против точки зрения А.А. Шахматова и в пользу первичности чтения “църкы... Петрова”, которые ведь, собственно, и переводят церковь св. Петра близ Почайны из разряда “мифических”, по П.П. Толочко, в разряд “реальных” – в смысле прямого упоминания о ней в письменном источнике, причем источнике весьма древнем. Нежелание обращать внимание на эту текстологическую суть вопроса заставляет нашего уважаемого рецензента допускать уже прямую ошибку, поспешно утверждая, будто вариант “Турова” присутствует “в большинстве списков”. На самом же деле во всех (даже не в большинстве!) древнейших списках, в том числе и в самом раннем (РНБ, Ф. п. I. 47 XIII в.), видим как раз вариант “Петрова”. И это тоже аргумент в пользу нашего прочтения текста, хотя и не главный. А если чтение “църкы... Петрова” все-таки первично, то (заметим уже *à propos*) что тогда делает идентификацию “археологов” более предпочтительной, нежели наша?

Ограничимся сказанным и в завершение этих невеселых размышлений еще раз подчеркнем их методический по преимуществу характер. Да, мы признаем гипотетичность наших построений, разбираемых П.П. Толочко, но гипотетичность – это форма существования и движения науки. От догадки гипотезу отличает ее аргументированность, поэтому оспорить гипотезу можно, только оспорив аргументы, на которые она опирается, но никак не с помощью нехитрой справки, что в источниках на этот счет ничего такого буквально не написано. Действовать так, значило бы сводить науку либо к простому накоплению “фактов”, не подлежащих критике, с одной стороны, либо к хаосу “мнений” – с другой.